

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Костенковой Владиславы Вячеславовны
«Антиутопия начала XXI века в динамике жанровых
трансформаций», представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература

Диссертация В.В. Костенковой посвящена действительно **актуальной** для современной отечественной литературы и литературоведения проблеме. Новейшая антиутопия является жанром, в наибольшей степени отражающим социокультурные и политико-экономические проблемы современной эпохи, о чем свидетельствует невероятная популярность жанра как в сфере элитарной, так и массовой культуры, включая кинематограф. Антиутопия может быть и становится предметом исследования нескольких наук, и даже не только гуманитарных, и диссертация В.В. Костенковой демонстрирует именно такой подход – комплексный, наиболее уместный для решения поставленных диссертантом задач. Собственно литературоведческий анализ оптимально сочетается в работе с привлечением необходимого материала из области социологии, демографии, социопсихологии, философии и т.п.

Новизна исследования несомненна: достоинство работы не только в привлечении нового материала, еще не ставшего предметом серьезной литературоведческой рефлексии, но и в комплексном анализе поэтики современной антиутопии, включая выявление базовых моделей в сопоставлении их с классическими образцами. Диссертант справедливо утверждает, что, при явном интересе современной культурологической мысли к антиутопии, вопросы, поставленные в исследовании, нельзя считать исчерпанными, и даже высокая степень разработанности проблемы отнюдь не закрывает возможности работы с новейшим литературным материалом в избранном автором аспекте.

Достоверность выводов диссертанта подтверждается глубоким и всесторонним анализом современных исследований антиутопии, составивших

теоретико-методологическую базу работы (с.7), достаточно широкой научной и «читательской» эрудицией диссертанта, серьезной апробацией. Без сомнения, можно утверждать, что **цель** исследования, сформулированная автором как изучение путей развития русской литературной антиутопии в динамике жанровых трансформаций, несомненно, достигнута, **задачи** (их всего три, но они конкретны и действительно определяют структуру и содержание работы) решены, **положения**, вынесенные на защиту, доказаны. Работа в целом свидетельствует об инновационном характере исследования, о пристальном внимании автора к основным тенденциям развития современного литературного процесса и умении говорить об этих тенденциях на адекватном предмету исследования языке. Хотелось бы отметить безупречный научный стиль: ни одного речевого недочета, несоответствия требованиям, «скатывания» к пересказу или публицистике. Диссертация выполнена с использованием соответствующих поставленным задачам взаимосвязанных **методов** и приемов анализа, выбор которых обусловлен спецификой многообразных связей между предметом исследования и широким современным социокультурным контекстом.

Теоретическая значимость представленной к защите диссертационной работы определяется тем, что ее результаты можно считать вкладом в дальнейшее развитие теории антиутопии, особенно в аспекте функциональной поэтики, типологизации и моделирования жанра. Убедительно доказана трансформация базовых моделей, отмечены вариативность канона, изменения хронотопа и гендерных ролей персонажной системы. Оригинальны наблюдения по поводу киберпанк-эстетики в современной утопии. Интересны и доказательны выводы о смещении основного конфликта из области политико-идеологической в сферу социо- и религиокультурную.

Следует отметить соответствие структуры работы логике исследования, композиционную стройность и последовательность изложения. Правда, четвертая глава несколько асимметрична (второй параграф почти вчетверо меньше первого), а третью главу вполне можно было разделить на параграфы: онтологическая проблема бессмертия вполне «делится» внутренней логикой

главы, где речь идет последовательно о проблемах демографии, темпоральном дискурсе, психологии/антропологии персонажей, трансформации религиозного конфликта (и его подмене).

Не останавливаясь подробно на содержании глав и параграфов, отметим основные результаты исследования, свидетельствующие об инновационном характере работы, доказанности вынесенных на защиту положений и, соответственно, **о личном вкладе В.В. Костенковой** в разработку значимой для современной науки о литературе проблематики.

1. Доказана необходимость комплексного изучения современной отечественной антиутопии в широком социогуманитарном контексте с привлечением новейших данных социальной философии, демографии, социопсихологии, футурологии и т.п.

2. Установлено, что современная антиутопия, сохраняя базовую инвариантную тематико-мотивную структуру, представляет читателю новую сюжетную парадигму, связанную с проблемами современности, не востребованными, естественно, антиутопией классической (глобализация, мультикультурализм и религиозный радикализм, перенаселение, виртуализация реальности и т.п.). Типичный конфликт тоталитарного общества с оппозиционным героем-одиночкой существенно трансформируется, на первый план выходят иные типы конфликта.

3. Выявлены качественные изменения образной системы персонажей: доказано, что героини Д. Глуховского и Е. Чудиновой представляют собой принципиально новый тип героини, трансформирующей традиционную женскую «роль второго плана»; не менее изменился и герой, далеко не всегда поддерживающий образ бунтаря и борца (у А. Кабакова, В. Маканина, Л. Каганова, А. Старобинец).

4. Обоснована новая роль фантастики в сюжете (на наш взгляд, очень важное наблюдение диссертанта). Доказано, что удельный вес собственно фантастического становится меньше: «фантастические допущения... встречаются все реже» (с. 10), современная реальность потенциально страшнее многих

классических антиутопий; писатели лишь художественно воплощают, доводя до предела, антиутопические интенции реальной действительности.

5. Проанализированы и описаны различные модели современной антиутопии, причем автор обращается как к классическому жанру романа, так и к рассказу-антиутопии, не менее популярному в современной литературе, но представляющему иной тип художественного пространства-времени. На это вообще редко обращают внимание в работах об антиутопии: тематическое понимание жанра, как правило, превалирует над узкожанровым (роман, рассказ, повесть, новелла и др.).

6. Отмечено включение в структуру антиутопии характерных черт киберпанк-литературы и описан возникший в связи с этим новый тип антиутопического хронотопа. Выявлены основные черты этого хронотопа («над-пространство», амбивалентная роль «изолята и одновременно коннектора», диагональный разрыв связи между реальностью и виртуальностью, а не между прошлым, настоящим и будущим).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов в университетских курсах «Современная русская (родная) литература», «Актуальные проблемы текущей отечественной литературы», спецкурсах и спецсеминарах по истории и теории утопии и антиутопии.

В дискуссионном плане хотелось бы обратить внимание диссертанта на некоторые из спорных моментов в форме открытых для публичной дискуссии **вопросов и замечаний.**

1. Хотелось бы понять, чем обусловлен выбор именно этих текстов в качестве материала исследования? В реферате это объясняется («указанные тексты являются наиболее релевантными формами литературной рефлексии...» и т.д. (с.4)), в диссертации – нет (см. с.6 о материале исследования). Конечно, автор свободен в выборе материала и не обязан представлять все значимые для проблемы современные тексты, однако удивляет полное отсутствие в

диссертации даже упоминания имен В. Пелевина и В. Сорокина, создавших блестящие образцы рассматриваемого жанра. Особенно огорчительно отсутствие пелевинского «Phuck 10» в главе 4 «Виртуальная реальность как альтернатива настоящей жизни: эскапизм XXI века», поскольку очень точные наблюдения диссертанта гораздо лучше подтверждаются именно этим текстом. То же можно сказать о рассказе А.Матвеевой «Подожди, я умру – и приду». Во вторую главу «Религиокультурный конфликт в современной антиутопии» прямо-таки «напрашиваются» «православные антиутопии» Ю. Вознесенской «Путь Кассандры...» и «Паломничество Ланселота». Нет ни ярчайшей «Хлорофилии» А. Рубанова, ни «ЖД» Д. Быкова, ни даже «Кыси» Т.Толстой (последняя вышла в 2000-м году, но это один из важнейших текстов для всех, кто работает с современной антиутопией). Вообще современный литературный контекст в диссертации мог бы быть представлен шире: анализ выбранных произведений выполнен на очень высоком уровне, но сама тема «антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций» предполагает обращение к названным текстам хотя бы на уровне номинации и самого поверхностного сопоставления.

2. О западном контексте. Почему в качестве предмета сравнения (в синхроническом, а не диахроническом аспекте) диссертант обращается к «Футурологическому конгрессу» С. Лема (1971) и «Вождеющему семени» Э. Бёрджесса (1962), а не к ближайшему актуальному контексту, в том числе, например, «Голодным играм» С. Коллинз (2008), «Дивергенту» В. Ротман (2001), «Сфере» Д. Эггерса (2013) и т.д.? Все же социокультурная ситуация по сравнению с 60-70ми годами XX века очень изменилась (и эта мысль как раз очень убедительно представлена диссертантом и является одним из лейтмотивов работы). Да, есть гениальные провидческие тексты последней трети XX века (например, «Вельд» и «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери или «Долгая прогулка» С. Кинга), но они не заменяют действительно актуального контекста, и их место скорее в параграфе 1.1 «Генезис литературной антиутопии».

3. В параграфе о генезисе достаточно подробно говорится о предшественниках классической антиутопии XVIII-XIX века, об антиутопии

эпохи модерна и 20-х годов XX века и практически ничего – об отечественной антиутопии второй половины XX века, т.е. непосредственных предшественниках современных антиутопистов. На с. 28 сказано лишь (со ссылкой на работу А.Н. Воробьевой), что произошло возвращение жанра «в русле фантастики». Жаль, что не заслужили даже упоминания «Час Быка» И. Ефремова и романы братьев Стругацких (лишь «Обитаемый остров» назван однократно на с. 36 пар. 1.2. «Специфика проблематики и поэтики классической антиутопии»). В результате возникает ощущение прерванной традиции и полувекового забвения жанра, чего в действительности не было.

4. Возникает вопрос о методологии исследования, точнее, о ее номинации (к самой методологии в ее практической части претензий нет). Что диссертант имеет в виду, говоря, например, о «концептуальном» методе или «историко-литературном» (с.7)? Хотелось бы уточнить.

Наши замечания носят в основном полемический или рекомендательный характер и относятся более к перспективе исследования, а не к его уровню, вполне соответствующему требованиям ВАК РФ. Надеемся, что названные нами художественные произведения войдут в сферу внимания диссертанта в ее дальнейшей работе над избранной темой. Мы считаем, что цель, поставленная диссертантом, достигнута, задачи решены, вынесенные на защиту положения убедительно доказаны, выводы обоснованы. Работа прошла достаточную **апробацию** на нескольких научных конференциях, результатом чего стали 8 работ, опубликованных по теме диссертации (в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ). Публикации и автореферат полностью отражают основное содержание диссертации и авторскую концепцию.

По объекту исследования, аспектам и методам анализа диссертационная работа В.В. Костенковой соответствует таким **разделам паспорта специальности 10.01.01** – русская литература, как история русской литературы XX – XXI веков; творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном

творчестве; индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии.

В заключение можно с полным основанием констатировать, что диссертационное исследование Костенковой Владиславы Вячеславовны «Антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций» является самостоятельной завершенной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей большое значение для современной филологической науки. Работа отвечает требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней (пп.9-11), утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор, В.В. Костенкова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,
10.01.01 – русская литература,
доцент, профессор кафедры отечественной
и мировой литературы ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский
федеральный университет»

ПОДПИСЬ
УДОСТОВЕРЯЮ

Иванова Ирина Николаевна

30 мая 2019 г.

начальник Управления
делами СКФУ

Контактная информация:
Иванова Ирина Николаевна
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009 г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, ауд. 409,
Тел. рабочий (8652) 33-01-98 (доб. 4231); моб. 89187470194
E-mail: oiml@inbox.ru; ivanovairinna@mail.ru
Официальный сайт организации: <http://www.ncfu.ru>

*С отзывом ознакомлена
Костенкова Владислава Вячеславовна
3.06.2019 г. [подпись]*